

Графъ Матіасъ-Сигизмундъ Шликъ

одинъ изъ претендентовъ на руку царевны Ирины Михайловны *).

I.

Въ рядахъ чешской аристократіи и по сіе время видное мѣсто занимаетъ старый родъ графовъ Шликъ, а въ первой четверти XVII вѣка родъ Шликовъ былъ едва-ли не однимъ изъ самыхъ могущественныхъ магнатскихъ родовъ чешскаго королевства.

Впервые упоминаются Шлики въ чешской исторіи на рубежѣ XIV и XV вѣковъ, когда панъ Индрихъ (Генрихъ) Шлибъ изъ Лажанъ, пользовавшійся особеннымъ благоволеніемъ чешскаго короля Вяче-

*) Матеріаломъ настоящаго очерка послужили главнымъ образомъ документы, хранящіеся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Пностранныхъ Дѣлъ.—„Выѣзды въ Россію иностранцевъ“ и „Датскія дѣла“. Изъ напечатанныхъ источниковъ и историческихъ трудовъ использованы: Оларій—„Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію“, „Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными“, изданныя II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей, и Русская Историческая Библиотека, издаваемая Археографическою Коммиссіею (т. VIII-й), Fr. Palacky, „Geschichte von Böhmen“, W. Tomek. „Děje království Českého“, „Ottův Slovník Naučný“ (отсюда почерпнута родословная дома Шликовъ), Дм. Цвѣтаевъ, „Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій“, его-же, „Обученіе иноземцевъ-протестантовъ въ Московскомъ государствѣ. М. 1886 г., его-же, „Иностранцы въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“, его-же, „Изъ брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ Московскаго періода. М. 1884 г., Ал. Барсуковъ. „Родъ Шереметевыхъ т. III. Ю. Н. Щербачевъ. Датскій Архивъ. Матеріалы по исторіи древней Россіи, хранящіеся въ Копенгагенѣ. 1326—1690 гг., Л. Кочубинскій, „Братья-подобны и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка“, А. Гильфердингъ, „Собраніе сочиненій“, т. II. (Обзоръ чешской исторіи) и другія сочиненія.

слава IV, открыто выступилъ покровителемъ Яна Гуса. Послѣдній, по удаленіи своемъ изъ Праги, нашелъ первоначально пріютъ въ Козьемъ-Градкѣ (въ Бехинской области) у пана Яна изъ Усти, а, по смерти послѣдняго, во владѣніяхъ пана Индриха Шлика изъ Лажанъ, въ его замкѣ Краковцѣ за Кривоклатомъ¹⁾.

Индрихъ Шликъ былъ женатъ на Констанціи, единственной дочери графа Ролланда Коллальто изъ славнаго рода графовъ де-Камино. Этотъ бракъ предрѣшилъ судьбу его сыновей. Его старшій сынъ, Кашпаръ (род. 1400 г., † 1449 г.), получившій солидное по тому времени образованіе и ученую степень, служилъ долгое время въ должности канцлера при Германскомъ императорѣ и чешскомъ королѣ Сигизмундѣ. За свою службу онъ былъ пожалованъ Сигизмундомъ и его преемниками: Альбрехтомъ II и Фридрихомъ III обширными владѣніями въ сѣверо-западной Чехіи: всею Локетскою областью съ Ангельской горою, Фалькновомъ, Грознегиномъ и Тогенбургомъ. Онъ усердно покровительствовалъ Энею Сильвію Пикколомини, позднѣе занимавшему папскій престолъ подъ именемъ Пія II²⁾. Эта услуга немало содѣйствовала впослѣдствіи дальнѣйшему возвышенію дома Шликовъ. Въ 1437 году Кашпаръ Шликъ, какъ владѣлецъ пожалованнаго ему замка Бассано, возведенъ былъ въ графское достоинство, перешедшее отъ него и къ его наслѣдникамъ.

Кашпаръ умеръ бездѣтнымъ. Его должности и владѣнія наслѣдовалъ его братъ Матвѣй, владѣлецъ Бечева и Быхова. Сыновья послѣдняго—Микулашъ, Иеронимъ и Кашпаръ раздѣлили отцовскія владѣнія и начали собою три вѣтви рода Шликовъ: *Фалькновскую, Локетскую и Островскую*.

Представителей этихъ трехъ вѣтвей мы не разъ видимъ до битвы у Бѣлой Горы на высокихъ административныхъ постахъ въ королевствѣ и въ высшихъ придворныхъ должностяхъ. Имъ принадлежать обширныя земли, они управляютъ городами и владѣютъ многими замками. Въ XV и XVI столѣтіяхъ тѣмъ или другимъ представителямъ этого могущественнаго рода принадлежатъ: Фалькновъ, Индриховичи, Зеебергъ, Нейдекъ, Шенлиндъ, Депольтовицы, Непомысль, Дауповъ, Локеть, Пятипсы, Винтизовъ, Островъ, Киншперкъ, Планова, Гартенбергъ, Шенбахъ, Краслицы, Рабштейнъ, Бечевъ, Верушички, Яблоновъ, Яхимовъ, Гаунштейнъ, Копидляны и другіе замки и имѣнія.

¹⁾ Томекъ „Исторія Чешскаго королевства“, кн. V, § 53.

²⁾ Любовныя похожденія Кашпара Шлика въ Италіи въ 1432—33 г.г. послужили Энею Сильвію Пикколомини сюжетомъ для его извѣстнаго романа—„Эвріаль и Лукреція“.

Погибшій въ битвѣ при Могачѣ (въ 1526 г.), графъ Стефанъ Шликъ (род. 24 дек. 1487 г.) открылъ богатые серебрянные рудники въ Йохимсталѣ (Йохимовѣ) и сталъ впервые съ 1517 года чеканить, такъ называемые, *йохимовскіе таллеры*, носившіе также названіе *шликовскихъ*; на Московской Руси они были извѣстны подъ названіемъ „*ефимковъ*“.

Изъ трехъ вѣтвей Шликовского дома особенно выдвинулась островская линія, давшая на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ самыхъ видныхъ представителей этого славнаго рода.

Къ этой линіи принадлежитъ полководецъ императора Фердинанда II, генералъ Индрихъ Шликъ, потомки котораго до сего времени благоденствуютъ въ Австро-Венгріи. Во время тридцатилѣтней войны, когда одни изъ многочисленныхъ родичей Индриха Шлика погибали въ рядахъ протестанскихъ войскъ въ бою или на плахѣ, а другіе, въ поискахъ безопаснаго убѣжища, разсѣялись бездомными бѣдняками по лицу всей Европы и впоследствии потонули въ народныхъ массахъ пріютившихъ ихъ протестантскихъ странъ, Индрихъ Шликъ, подъ знаменами Фердинанда Австрійскаго, удачно сражался съ его противниками въ Нидерландахъ, въ Венгріи и въ Германіи. За эту службу фанатикъ-государь наградилъ его въ 1623 году должностію генераль-фельдцейхмейстера. Въ 1625 году, подъ начальствомъ Валленштейна, Индрихъ Шликъ не менѣе удачно воюеть въ Сѣверной Германіи и жестоко опустошаетъ Данію. Затѣмъ мы видимъ его въ Венгріи, гдѣ храбрый Георгъ Ракочи беретъ его въ плѣнъ. Индрихъ Шликъ принужденъ былъ выплатить за себя значительный выкупъ. Получивъ свободу, онъ опять поступилъ въ армію Валленштейна, участвовалъ въ его походахъ, причемъ доходилъ до Ютландіи. Въ 1627 году Валленштейнъ, очень благоволившій къ Шлику, назначилъ его маршаломъ. По заключеніи мира съ Даніей, Индрихъ Шликъ оставилъ армію и съ 1632 года занимаетъ мѣсто президента военнаго совѣта. Большую часть нажитаго имъ въ походахъ громаднаго капитала Индрихъ Шликъ затратилъ на скупку обширныхъ владѣній раззоренныхъ чешскихъ дворянъ. Кромѣ наследованной имъ отъ отца Плановы, онъ сдѣлался теперь владѣльцемъ: Поляковъ, Гаунштейна, Медунца, Кунштата, Плосковицъ, Старыхъ Градовъ, Загожанъ и многихъ другихъ имѣній. Умеръ Индрихъ Шликъ въ 1650 году.

Изъ всего многочисленнаго рода Шликовъ только его потомки удержали титулъ и владѣнія въ Габсбургской монархіи и съ первой

четверти XVII вѣка только ихъ однихъ знаютъ родословныя росписи Шликовскаго дома. Поколѣнная роспись остальныхъ вѣтвей, какъ островской линіи, такъ равно докетской и фалькновской, до этого времени очень подробныя, обрываются на двадцатыхъ годахъ XVII вѣка. Причина этому станетъ намъ ясна, когда мы разберемся въ событіяхъ, предшествовавшихъ битвѣ при Бѣлой Горѣ и непосредственно послѣдовавшихъ за нею.

Въ царствованіе императора Матвѣя домъ графовъ Шликъ переживалъ высшій моментъ своего могущества; оно фиксировалось не столько богатствомъ и обширностью владѣній представителей этой фамиліи, не столько тѣмъ, что многіе изъ Шликовъ занимали въ это время важные посты въ государственномъ управленіи королевства, сколько громадною популярностью нѣкоторыхъ представителей этого рода въ народныхъ массахъ королевства. Въ эпоху предшествовавшую бѣлгородской битвѣ, девяносто процентовъ населенія Чехіи исповѣдывали протестанство. Во главѣ *братьевъ подобоевъ*, такъ называли себя чешскіе протестанты, стояли въ это время: Вацлавъ Роуповъ, талантливѣйшій изъ дефензоровъ и графъ Іохимъ-Андрей Шликъ. Послѣдній родился въ 1569 году. Солидное образованіе (онъ окончилъ Женевскую академію) и блестящій ораторскій талантъ рано выдвинули его на переднее мѣсто изъ рядовъ чешской аристократіи. Въ 1605 году Іохимъ-Андрей Шликъ былъ избранъ дефензоромъ, въ слѣдующемъ году мы его видимъ директоромъ утраквистской консисторіи. Въ 1609 году онъ пишетъ „Исторію Гусситскихъ войнъ“. Въ 1611 году онъ занимаетъ должность королевскаго совѣтника и высшаго казначея. Его сынъ отъ перваго брака (съ Анной Любштейнской изъ Коловрата), Юлій Шликъ, въ 1613 и 1614 годахъ состоитъ ректоромъ Пражскаго университета.

Въ Январѣ 1614 года на сеймѣ въ Будеевицахъ, вмѣстѣ съ мужественнымъ Вацлавомъ Роуповымъ, Іохимъ-Андрей Шликъ энергично выступилъ съ требованіемъ ограниченія королевскихъ правъ. Пренія на этомъ сеймѣ приняли настолько острый характеръ, что приверженцы короля Мартиницъ и другіе католики бѣжали изъ Будеевицъ, чтобы только не слышать оскорбительныхъ для короля рѣчей подобоевъ *).

Тогда же Турнъ, Шликъ и Вхинскій заявили агенту саксонскаго курфюрста, что подобои рѣшили свергнуть съ престола Габсбурга

*) Кочубинскій. Братья-подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка, стр. 229.

и предложить корону саксонскому курфюрсту. Саксонец отклонил это предложение ¹⁾).

Въ 1617 году усилившаяся болѣзнь императора Матвѣя побудила его выразить передъ чешскими сословіями желаніе, чтобы они короновали чешскою короною его наслѣдника—Фердинанда Штирійскаго. Жестокія расправы Фердинанда съ протестантами въ Крайнѣ и въ Штирії достаточно ясно опредѣляли его личность и большинство земскихъ чиновъ Чешскаго королевства рѣшительно высказалось противъ его кандидатуры. Къ общему изумленію въ послѣднюю минуту Іохимъ-Андрей Шликъ, избранный сеймовымъ ораторомъ отъ пановъ, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ угрозъ самага Фердинанда и его сторонниковъ: Коловрата, Лобковица и Штеренберка, измѣнилъ своимъ и поддержалъ кандидатуру воспитанника іезуитовъ ²⁾). Послѣдствія этого малодушнаго поступка не замедлили сказаться. Уже вскорѣ послѣ коронованія Фердинанда одинъ изъ главныхъ вождей подобоевъ, храбрый графъ Индрихъ Турнъ, былъ незаслуженно оскорбленъ лишеніемъ званія бургграфа Карлштейнскаго ³⁾). Въ это же время католикъ Михна публично похвалялся, что со вступленія на престолъ Фердинанда полугода не пройдетъ, какъ всѣ мѣщане королевства будутъ обращены въ католиковъ. Другой агентъ правительства, минцистръ Врещовицъ пошелъ еще дальше, угрожая: „скоро свалятся на землю головы Турна, Козьей Бородки (Будовца), Шлика и Лобковица“ ⁴⁾).

Взаимныя угрозы завершились возстаніемъ въ королевствѣ. 23-го Мая 1618 года королевскіе намѣстники Ярославъ Мартиницъ и Вильгельмъ Славата были выброшены вождями возстанія изъ оконъ Пражскаго замка. Этотъ роковой въ исторіи королевства день, по образному выраженію чешскаго историка Скалы, сталъ „началомъ и дверью для всѣхъ будущихъ бѣдъ и несчастій чешскаго народа“.

25-го Мая съѣздъ чешскихъ сословій организовалъ новое правительство въ королевствѣ—директорію. Въ составъ ея вошло 30 человекъ, по десяти отъ каждаго сословія. Въ числѣ этихъ директоровъ мы видимъ двухъ Шликовъ: Іохима-Андрея Шлика и Яна-Альбина Шлика (изъ фалькновской линіи). Династія Габсбурговъ была объявлена лишенною престола. Отправленный Фердинандомъ въ Чехію во главѣ десяти-

¹⁾ Кочубинскій, стр. 230.

²⁾ Кочубинскій, стр. 246.

³⁾ Кочубинскій, стр. 251, Томекъ, кн. VII, § 79.

⁴⁾ Кочубинскій, стр. 256.

сячнаго отряда графъ Генрихъ Дампьеръ потерпѣлъ двукратное пораженіе отъ Индриха Турна. Столь же неудачнымъ былъ и походъ другого генерала короля, Карла Бюккуа, знаменитаго вождя испанскихъ войскъ въ Нидерландскую войну. При Ломницѣ Турнъ нанесъ ему пораженіе и заставилъ запереться въ Будеевицахъ, опорномъ пунктѣ чешскихъ католиковъ. Другой чешскій городъ, оставшійся вѣрнымъ королю, крѣпкій Пильзенъ былъ взятъ другимъ генераломъ возставшихъ, графомъ Мансфельдомъ. Паденіе Пильзена придало смѣлость лужицкимъ и силезскимъ земскимъ чинамъ. Они вступили въ союзъ съ чешскими конфедератами. Послами въ Силезію поѣхали Альбинъ Юликъ, Фрувей и Билый.

20-го марта 1619 года умеръ императоръ Матвѣй. Напрасно Фердинандъ II, пытаясь склонить чеховъ къ послушанію, въ грамотѣ о смерти императора завѣрялъ ихъ въ своемъ намѣреніи уважать права королевства и сословія. Весной того же года Индрихъ Турнъ вторгся въ Моравію и организовалъ и тамъ директорію на подобіе чешской. Турнъ подступилъ къ самой Вѣнѣ и едва не захватилъ въ плѣнъ самаго Фердинанда. Однако вскорѣ побѣда Бюккуа надъ Мансфельдомъ заставили директорію отозвать Турна отъ Вѣны въ Чехію.

Чехи, объявивъ Габсбургскую династію лишенною чешскаго престола, избрали королемъ рейнскаго пфальцграфа Фридриха. 24-го Октября въ Вальдсасъ, (въ Верхнемъ Пфальцѣ), гдѣ въ то время находился со своею семьею Фридрихъ Пфальцскій, прибыло блестящее чешское посольство. Во главѣ его были Роуповъ и графъ Іохимъ-Андрей Шликъ; послы въ тотъ же день были приняты на аудіенціи. Андрей Шликъ на нѣмецкомъ языкѣ привѣтствовалъ пфальцграфа, Роуповъ на французскомъ—его супругу, графиню Елизавету (дочь Іакова I Англійскаго). Фридрихъ охотно принялъ чешскую корону. День 24 Октября закончился веселымъ обѣдомъ*).

Выборъ подобоевъ оказался очень неудачнымъ. Фридрихъ не сумѣлъ расположить къ себѣ чешскій народъ, а своею безпечностью и легкомысліемъ поставилъ на карту и свою корону и судьбу Чешскаго королевства. Обойдя талантливаго и храбраго чешскаго полководца Индриха Турна, онъ ввѣрилъ защиту правъ и независимости Чешской земли иностранцамъ: нѣмецкому принцу Христіану Ангальту

*) Кочубинскій, стр. 324.

и венгерскому вождю Борнемиссъ, а также наемному генералу графу Мансфельду. Бой у Бѣлой Горы рѣшилъ судьбу королевства и чешскаго народа. Войско короля Фридриха было на голову разбито. Дальше всѣхъ защищался небольшой моравскій отрядъ, предводителями котораго были молодой Турнъ и Индрихъ Шликъ. Окруженные на мѣстѣ, которое и тогда называлось Гвездою (Звѣздой), воины отряда сражались до послѣдней капли крови и почти всѣ полегли на полѣ сраженія*). На томъ же бѣлгородскомъ побоищѣ погибли братья Стефанъ и Криштофъ-Арноштъ Шлики, сыновья Стефана Шлика изъ Велехова.

Три мѣсяца спустя послѣ бѣлгородскаго сраженія, пришелъ тайный приказъ отъ императорскаго двора, повелѣвавшій арестовать всѣхъ прежнихъ дефензоровъ, директоровъ и другихъ вождей возстанія. Въ одинъ день и въ одинъ часъ, 20-го Февраля 1621 года, тѣ изъ нихъ, кто пребывали въ Прагѣ, были внезапно схвачены, а нѣсколько дней спустя доставлены въ тѣ же тюрьмы и остальные, проживавшіе въ другихъ городахъ и замкахъ королевства. Всего арестовано было 48 человекъ. Юхимъ-Андрей Шликъ, занимавшій до битвы у Бѣлой Горы должность высшаго судьи и фогта Верхней Лужицы, схваченъ былъ по приказу саксонскаго курфюрста въ Саксоніи.

Чрезвычайный судъ, засѣдавшій въ Прагѣ, подъ предѣлательствомъ князя Лихтенштейна, приговорилъ вождей возстанія къ смертной казни. 21-го Юня 1621 года въ 5 часовъ утра, по сигналу, изъ Пражскаго замка осужденныхъ, одного за другимъ, стали выводить изъ Староградской ратуши на сосѣднюю площадь, гдѣ уже возвышался, покрытый чернымъ сукномъ, эшафотъ. Городскія ворота были заперты, улицы, выходившія на площадь, заняты войсками. Передъ ратушей на возвышеніи сидѣли судьи и цесарскіе комиссары. Передъ ними проводили осужденныхъ къ эшафоту. Первымъ былъ казненъ Юхимъ-Андрей Шликъ, за нимъ обезглавлены: Вацлавъ Будовець, Гарантъ Полжиць, Гаспаръ Каплеръ изъ Сулевиць и т. д. Во все время казни музыканты били въ бубны и трубили, чтобы не было слышно рѣчей осужденныхъ. Всѣ они мужественно встрѣтили смерть. Головы 12 главныхъ вождей, и въ первую очередь, голова Шлика, были насажены на желѣзные шести на башнѣ старо-градскаго моста.

За казнью вождей подобоевъ послѣдовали дальнѣйшія расправы. 728 пановъ и рыцарей, изъ числа принесшихъ повинную, лишены были

*) Томекъ, кн. VII, § 80.

своихъ замковъ и помѣстій, до 30.000 семействъ, въ томъ числѣ 158 аристократическихъ родовъ, навсегда должны были оставить королевство, лишенными всего своего имущества¹⁾.

Янъ-Альбинъ Шликъ, сотоварищъ Іохима-Андрея Шлика по директоріи, оказался счастливымъ своего сородича. Присужденный къ смертной казни и къ потери имущества, онъ укрылся въ Циттау. Въ 1628 году онъ еще былъ живъ. О дальнѣйшей его участи ничего не извѣстно. Изъ трехъ его сыновей (Криштофъ-Бедрихъ, Криштофъ-Корель и Іохимъ-Андрей) первый умеръ въ 1627 году, второй погибъ на войнѣ въ 1632 году и послѣдній умеръ въ 1666 году. О судьбѣ остальныхъ представителей этого многочисленнаго рода извѣстно только то, что они разбрелись по дворамъ протестантскихъ князей, чтобы окончательно сойти со страницъ исторіи.

Во время тридцатилѣтней войны на короткій мигъ для чеховъ мелькнулъ лучъ надежды на лучшую долю. Побѣды Густава-Адольфа поколебали могущество Габсбурга, 11 Января 1632 года, союзные со шведами, саксонцы, подъ предводительствомъ Арнима, бывшего офицера Валленштейна, вторгнулись въ Чехію и, не встрѣтивъ нигдѣ сопротивленія, вступили въ Прагу. Пріѣхавшій туда же саксонскій курфирстъ пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Многіе изъ чешскихъ эмигрантовъ возвратились тогда въ свое отечество и вступили опять во владѣніе своими имѣніями. Въ числѣ ихъ были вождь подобоевъ храбрый Индрихъ Турнь, находившійся теперь на военной службѣ короля Шведскаго, и Вацлавъ изъ Роупова, высшій канцлеръ чешскій при королѣ-неудачникѣ Фридрихѣ I Пфальцкомъ. Во главѣ торжественной процессіи, графъ Турнь и Вацлавъ Роуповъ сняли съ желѣзныхъ шестовъ мостовой башни головы двѣнадцати своихъ друзей, мучениковъ за свободу Чехіи, и торжественно похоронили ихъ въ Тайницкомъ костелѣ²⁾.

Семь мѣсяцевъ отдыхала Чехія отъ кровавыхъ репрессій Фердинанда II-го, но военное счастье опять перешло на его сторону и чешскіе эмигранты вновь принуждены были оставить свою родину, на этотъ разъ навсегда.

¹⁾ Палацкій „*Dejiny narodi ceskeho v Cechah a na Morave*“, Томекъ, кн. VIII, § 81, Гильфердингъ. „Обзоръ чешской исторіи“, Кочубинскій, стр. 342—343.

²⁾ Томекъ, кн. VIII, § 82.

Десять лѣтъ протекло со времени этой послѣдней попытки чешскихъ эмигрантовъ устроиться у себя на родинѣ и вотъ, когда ясно обнаружилось, что погасли послѣднія надежды на возвратъ въ отчизну, одинъ изъ чешскихъ эмигрантовъ, представитель фамиліи графовъ Шликъ неожиданно появляется при дворѣ московскаго царя,—перваго государя недавно воцарившагося дома Романовыхъ.

II.

День склонялся къ вечеру, когда 10 ноября 1642 года три иноземца вѣхали въ ворота Гостиннаго двора Псковскаго Печерскаго монастыря. Старшой изъ прїѣзжихъ, по виду человѣкъ шляхетной породы, назвавшій себя Матіасомъ, объяснялъ въ распросныхъ рѣчахъ монастырскимъ властямъ, что ѣдетъ онъ самъ-третьей изъ Датской земли, „гонить“ къ великому государю—къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, гонить по большому дѣлу: везетъ царю „листъ“ (письмо) отъ датскаго короля Христіануса.

По тому времени, къ какому относятся описанныя ниже событія, прїѣзды иноземцевъ уже не были въ диковинку на Руси, они не вызывали въ пограничныхъ русскихъ властяхъ ни прежняго тревожнаго недоумѣнія, ни былого переполоха. Тогда тянулось на вольные русскіе хлѣба, къ столярной Москвѣ, много всякаго иноземнаго люда. Со второй четверти XVII вѣка дорога на Москву стала торнымъ путемъ для выходцевъ едва-ли не всѣхъ странъ Западной Европы. Сюда ѣхали искать фортуны, животовъ и чести: служилые люди разнаго званія и чина, заморскіе торговые люди и гости, мастеровые всѣхъ цеховъ, рудознатцы, и т. д. Въ глазахъ всякаго рода авантюристовъ и просто предприимчивыхъ людей Московія являлась тогда какъ бы новымъ Эльдorado, новою Обѣтованною Землею. Отъ проживавшихъ въ Москвѣ иноземцевъ шли добрыя вѣсти, самыя заманчивыя письма. Московскіе нѣмцы—а подъ ними русскіе люди XVII вѣка разумѣли не только подлинныхъ нѣмцевъ и цесарцевъ (австрійцевъ), но также голландцевъ, датчанъ, англичанъ, французовъ и представителей другихъ западно-европейскихъ странъ—писали своимъ землякамъ, что устроились они хорошо, живутъ въ полномъ достаткѣ, отъ московскихъ властей и туземнаго населенія обидъ ни въ чемъ не видятъ и въ своей вѣрѣ никакого утѣшенія отъ „идолопоклонниковъ“ московитовъ не терпятъ.

О природныхъ богатствахъ страны шли рассказы прямо таки сказочные, наконецъ,—такъ думали на Западѣ—отъ Московіи рукой

подать и въ Персію, и въ Индію—эти прославленные страны неисчерпаемыхъ богатствъ. Подобныя вѣсти и рассказы, подъ часъ значительно преувеличенныя, разжигали любопытство и алчность разоренныхъ Тридцатилѣтней войной нѣмецкихъ дворянъ, вторыхъ сыновей англійскихъ и шотландскихъ бароновъ и джентри, голландскихъ и англійскихъ купцовъ, нѣмецкихъ и датскихъ безработныхъ мастеровыхъ и ремесленниковъ. Весь этотъ бездомовый или малоимущій людъ жадно устремлялся въ Московское государство: одни на время, съ цѣлью нажитья на чужбинѣ, чтобы затѣмъ коротать дни на родинѣ, другіе ѣхали сюда навсегда.

По такому положенію вещей монастырскія власти спокойно отнеслись бы къ пріѣзду трехъ иноземцевъ, если бы Матіась не заявилъ, что онъ везетъ письмо къ царю. Такой необычный случай требовалъ особой осторожности. Игумень монастыря, Макарій, и Яковъ Неѣловъ сочли необходимымъ немедленно донести обо всемъ псковскимъ властямъ. Пріѣзжихъ нѣмцевъ препроводили на другой же день во Псковъ къ воеводѣ, окольникему князю Василю Петровичу Ахамашукову-Черкасскому.

Воевода помѣстилъ Матіаса и его спутниковъ на подгороднемъ Нѣмецкомъ гостинномъ дворѣ. Къ пріѣхавшему нѣмчину былъ посланъ голова гостинно-нѣмецкаго двора Димитрій Нефневъ и съ нимъ переводчикъ и толмачъ. Головѣ приказано было доподлинно дознаться: для чего нѣмчинъ Матіась изъ Датской земли присланъ, изъ какого города, и сколь давно выѣхалъ онъ, и на какіе города путь держалъ, имѣется-ли проѣзжій листъ у него, какого онъ чину человекъ и люди, что при немъ, королевскіе или его люди?

Матіась показалъ:

—Посланъ я къ великому государю, къ Москвѣ, съ листомъ датскаго короля Христіануса и листъ тотъ за его королевскою печатью. Имѣется у меня и проѣзжій листъ. Имя мое Матіась графъ фонъ-Шликъ, и уроженецъ я Богемской земли. Владѣлъ тамъ своими городами, а какъ цесарскіе люди тое землю повоевали, учалъ я служить Христіанусу королю. И тому будетъ лѣтъ съ четырнадцать. Изъ Датской земли, изъ города Глюкштадта, поѣхалъ я въ прошломъ году въ августъ мѣсяцѣ. До Риги ѣхалъ на кораблѣ, и корабль тотъ погодьемъ задержало на морѣ. Изъ Риги отъѣхалъ тому двѣ недѣли. Которые со мною два нѣмчина пріѣхали, тѣ не королевскіе, а мои дворовые люди.

Въ подтвержденіе своихъ словъ Матіасъ Шликъ прислалъ съ Нефневымъ воеводѣ проѣзжій листъ.

Проѣзжій листъ гласилъ: „добророжденный, нашъ особенно любительный господинъ, Матіасъ-Сигизмундъ графъ фонъ-Шликъ повѣдалъ намъ, что онъ надумалъ ѣхать въ Москву къ великому князю съ прошеніемъ, и того ради, просилъ дать ему для его надобья нашу королевскую проѣзжую грамоту. И мы на то соизволили. Почему просимъ всякихъ людей, кто бы они не были, большихъ и меньшихъ начальныхъ людей и офицеровъ и всѣхъ приказныхъ людей, на морѣ и на сушѣ, особенно вышеназваннаго великаго князя подданныхъ всякаго чину, кто бы они не были, чтобы его вышеупомянутаго графа, его людей, лошадей и бумаги, что съ нимъ, не только свободно пропускать, но сверхъ того всякое ему вспоможеніе оказывать“.....

При дальнѣйшихъ опросахъ графъ Матіасъ показалъ:

—Когда государевы послы, окольнічій и намѣстникъ шатскій, Степанъ Матвѣевичъ Проѣстевъ, да дьякъ Иванъ Патрикѣевъ съ послами иныхъ земель въ Датской землѣ, въ Копенгагенѣ, у короля Христіануса были, присутствовалъ на отпускѣ русскихъ пословъ и я. А послѣ того, какъ поѣхалъ король въ городъ Глюкштадтъ, взялъ онъ меня съ собою въ тотъ городъ и тамъ далъ мнѣ листъ къ царю о своемъ королевскомъ дѣлѣ. Что написано въ томъ листу, о томъ мнѣ безъ Государева указа сказать нельзя. Ёду я къ государю не для службы, а что въ проѣзжей грамотѣ написано, что отпущень я къ Государю по моему прошенію, то написалъ по королевскому приказу его, короля, думный дьякъ.

Въ заключеніе Матіасъ Шликъ сказалъ, что буде его съ тѣмъ королевскимъ листомъ псковскія власти къ царю въ Москву не отпустятъ, не мѣшкающая поѣдетъ онъ назадъ въ Датскую землю.

Наружный осмотръ письма убѣдилъ, что оно дѣйствительно адресовано на имя царя. Дольше задерживать Шлика во Псковѣ не осмѣлились, и его съ обоими слугами въ сопровожденіи сына боярскаго Василія Трусова отправили въ Москву. Шлику дали подводы и поденный кормъ, по расчету двѣ гривны на день, на 17 дней пути. Обо всемъ случившемся окольнічій, князь Ахамашуковъ-Черкасскій, послалъ въ Москву подробное донесеніе.

Въ Москвѣ къ извѣстію о пріѣздѣ Шлика съ письмомъ датскаго короля отнеслись съ особеннымъ интересомъ. Дѣло въ томъ, что именно

въ это время шли съ датскимъ дворомъ переговоры по очень важному дѣлу. Предпринята была вторая при новой династїи попытка породниться съ датскимъ королевскимъ домомъ. Первая была сдѣлана въ 1622 году. Отправленные тогда къ датскому королю Христіану IV послы: дворянинъ князь Алексѣй Львовъ и дьякъ Жданъ Шиповъ вели переговоры о бракѣ царя Михаила Ѳеодоровича съ племянницею Христіана, княжной Доротеей-Августою, дочерью шлезвигъ-голштинскаго герцога Іоанна-Адольфа. Сватовство, какъ извѣстно, закончилось неудачею и послѣ другой, столь же неудачной попытки, взять за себя свояченицу шведскаго короля Густава Адольфа, маркграфиню Екатерину Бранденбургскую, Михаилъ Ѳеодоровичъ женился на русской боярышнѣ Евдокїи Лукьяновнѣ Стрѣшневой.

Отъ этого брака родились: сынъ Алексѣй и три дочери—всѣ красавицы собою. Старшая изъ нихъ, Ирина, родившаяся 22 апрѣля 1627 года, вступила уже въ дѣвичій возрастъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ мечталъ выдать дочь за иноземнаго принца. Его выборъ остановился на Вальдемарѣ-Христіанѣ Гюльденлеве графѣ Шлезвигъ-Голштинскомъ. Графъ Вальдемаръ, третій сынъ короля датскаго Христіануса IV-го, родился „отъ жены съ лѣвой руки“, какъ выразился Петръ Марселисъ въ Посольскомъ приказѣ,—отъ графини Христіны Мункъ.

Наши историки, справедливо указываетъ Ю. Н. Щербачевъ, ошибочно называютъ Вальдемара, слѣдуя русскимъ источникамъ, королевичемъ и принцемъ: въ дѣйствительности онъ не имѣлъ ни того, ни другого титула *).

Въ декабрѣ 1640 года въ Данїю снаряженъ былъ гонецъ, переводчикъ изъ обрусѣвшихъ иноземцевъ, копенгагенскій уроженецъ Иванъ Ѳоминъ (Иванъ Бекеръ фонъ-Дельденъ). Гласнымъ поводомъ его командировки выставлены были переговоры о нарушенїи голштинскимъ герцогомъ условїй договора о транзитной торговлѣ черезъ Россїю съ Персїей, но за этимъ явнымъ порученїемъ скрывалось другое—главное: собрать подробныя свѣдѣнїя о королевской семьѣ, и въ особенности о Вальдемарѣ. Послу наказано было не только вывѣдать все о лѣтахъ, наружности, умѣ и характерѣ королевича, но также, во чтобы то ни стало, достать его портретъ, написанный „подлинно“, „безъ приписи“ (безъ прикрасъ), и для этого подкупить „писца“ (художника) и, если

*) Ю. Н. Щербачевъ. Датскїй Архивъ. Матерїалы по исторїи древней Россїи хранящїеся въ Копенгагенѣ 1326—1590 гг., стр. 219.

окажется нужнымъ, замедлить отъѣздъ, помѣшкать недѣлю или двѣ, притворившись больнымъ, и не скупиться на подарки. Для отвода глазъ велѣно было заказать портреты самого короля и обоихъ его старшихъ сыновей¹⁾).

Өоминъ въ точности исполнилъ порученіе.

Датскій дворъ, если не былъ вполне увѣренъ, то во всякомъ случаѣ догадывался о тайной цѣли посланничества Ивана Өомина и королевскій секретарь не безъ вѣдома короля заявилъ послу:

— Если государю вашему королевичъ Вальдемаръ надобенъ для воинскаго дѣла, король отпуститъ его къ царскому величеству.

Не подлежитъ сомнѣнію, въ то время Христіану IV улыбалась мысль пристроить сына въ Москвѣ, породнивъ его съ царскимъ домомъ. Только этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ 1641 году король снаряжаетъ въ Москву посольство и послами ѣдутъ графъ Вальдемаръ и Грегерьсъ Краббе. Гласнымъ порученіемъ выставлено было: заключить болѣе тѣсный союзъ съ царемъ, выговоривъ разныя льготы для датской торговли; между прочимъ, они должны были добиваться разрѣшенія для датчанъ устраивать въ Россіи канатные заводы, учредить компанію для вывоза кожи и юфти, получить согласіе на ежегодный вывозъ извѣстнаго количества хлѣба, добиться согласія на съѣздъ на лапландской границѣ для установленія рубежей и т. д.²⁾ За этими явными порученіями скрывался тайный наказъ короля сыну: въ случаѣ, если бы стали сватать за него Ирину Михайловну, принять предложеніе, но обезпечить себѣ свободу вѣроисповѣданія и просить для окончанія дѣла прислать къ королю московскихъ пословъ.

Послы благополучно прибыли въ Москву. Вальдемаръ имѣлъ всѣ данныя понравиться царю. Өоминъ въ своемъ донесеніи царю такъ описывалъ юношу: королевичъ Вальдемаръ двадцати лѣтъ, волосомъ русъ, ростомъ не малъ, собою тонокъ, глаза сѣрые, хорошъ лицомъ, здоровъ и разуменъ, знаетъ по-латыни, по-французски, по-итальянски, по-верхне-нѣмецки, знакомъ съ воинскимъ дѣломъ.

Однако, по прибытіи датскаго посольства въ Россію, вопреки ожиданіямъ королевича, разговора о сватовствѣ въ Москвѣ не подняли,

¹⁾ Д. Цвѣтаевъ. Протестанство и протестанты въ Россіи, стр. 477.

²⁾ Цвѣтаевъ. Протестанство и протестанты въ Россіи; Ю. Н. Щербачевъ. Датскій Архивъ.

и когда Вальдемаръ показалъ датскому торговому агенту Петру Марселису тайный наказъ короля, послѣдній даже не счелъ возможнымъ обратиться къ русскому правительству съ какимъ-либо вопросомъ о сватовствѣ. Царя Михаила Ѳеодоровича сильно смущала законность рожденія принца и по этому поводу наводились тщательныя справки. Установленъ былъ негласный сыскъ: какъ относятся къ Вальдемару сопровождающіе его датчане. Свѣдѣнія получены были удовлетворительныя: состоявшіе при посольствѣ русскіе пристава доносили, что Грегерсъ Краббе и всѣ другіе люди короля почитаютъ королевича государскимъ обычаемъ.

Послы отбыли изъ Москвы, ничего не сдѣлавъ.

Въ апрѣлѣ 1642 года въ Данію было отправлено русское посольство: окольникій Степанъ Матвѣевичъ Профѣтевъ и дьякъ Иванъ Исаковъ Патрикѣевъ. Имъ поручено было закончить переговоры о торговомъ договорѣ и завести рѣчь о сватовствѣ. Король, раздраженный требованіемъ московскаго правительства поставить имя царское выше имени королевскаго, встрѣтилъ пословъ очень сухо. „Докончанія“ торговаго договора не состоялось; неудачно закончились и переговоры о сватовствѣ. Датскій дворъ не согласился на то, чтобы графъ Вальдемаръ крестился въ православную вѣру, а русскіе послы отказались обѣщать королевичу опредѣленныя земли въ Московскомъ государствѣ. Христіанъ IV замѣтно охладѣлъ въ своемъ желаніи женить сына на русской царевнѣ. Причиною тому могло быть и то, что около этого времени при Датскомъ дворѣ образовалась партія хлопотавшая о бракѣ Вальдемара съ дочерью бывшаго чешскаго короля, неудачника Фридриха Пфальцкаго.

Послы возвратились назадъ. Въ Москвѣ, за якобы нерадѣніе царскимъ интересамъ, ихъ ждала опала.

Въ бытность свою при датскомъ дворѣ Матіасъ Шликъ наблюдалъ за перипетіями переговоровъ и, когда съ отъѣздомъ русскихъ пословъ Профѣтева и Патрикѣева, онъ увидѣлъ, что дѣло со сватовствомъ готово разстроиться, у него въ головѣ мелькнула смѣлая мысль: выступить соискателемъ руки царевны. Онъ имѣлъ полное основаніе считать себя по рожденію женихомъ не хуже графа Вальдемара, такъ какъ родъ графовъ Шликовъ, какъ мы видѣли выше, былъ одинъ изъ древнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ графскихъ родовъ Чешскаго королевства,

Олеарій, познакомившійся со Шликомъ въ Москвѣ, когда тотъ уже принялъ православіе и носилъ русское имя князя Льва Александровича Шляковскаго, категорически указываетъ, что нѣкоторые изъ извѣстныхъ ему лицъ не безъ основанія полагали, что Шликъ имѣлъ виды на бракъ съ царевною Ириной Михайловной.

Конечно, раскрыть свои тайныя намѣренія передъ датскимъ королемъ Шликъ не отважился: его намѣренія шли въ разрѣзъ съ планами короля. Правда, дѣло со сватовствомъ не ладилось. У царевны Ирины Михайловны явилась въ лицѣ пофальцкой принцессы соперница, но врядъ ли затѣя о бракѣ Вальдемара съ дочерью государя, лишенаго престола и владѣній, хотя-бы и единовѣрца, могла въ такой же мѣрѣ улыбаться королю, какъ бракъ его сына съ дочерью могущественнаго и богатаго русскаго государя. Во всякомъ случаѣ Шликъ имѣлъ достаточно основаній до времени скрывать отъ датчанъ свои планы.

Въ Москвѣ пріѣздъ Шлика объяснили иначе. Тамъ могли предположить, что Шликъ везетъ съ собою королевское письмо касательно брака Вальдемара съ царевной.

III.

Матиаса Шлика помѣстили въ Москвѣ въ домъ Ивана Грамотина, обычно мѣстопробываніи датскихъ пословъ. Псковскій приставъ Василій Трусовъ, „сказывавшій въ Посольскомъ приказѣ пріѣзжаго датскаго нѣмчина графа Матиаса“, въ томъ-же ноябрѣ мѣсяцѣ билъ челомъ отъ его имени царю, „чтобы Государь поволилъ бы ему (Шлику) видѣться съ Петромъ Марселисомъ“.

Царь разрѣшилъ.

„Гамбургскій гость“, „датскій морской капитанъ“, Петръ Марселисъ былъ датскимъ торговымъ агентомъ въ Россіи и однимъ изъ владѣльцевъ городищевскихъ чугунныхъ заводовъ*). Умный и ловкій человекъ, при томъ не всегда щепетильный въ выборѣ средствъ, Петръ Марселисъ сумѣлъ приобрести вліятельное положеніе при московскомъ правительствѣ и выраженное Шликомъ желаніе повидать этого чело-

*) Заводы находились въ 12 верстахъ отъ Тулы, на рѣкѣ Тулицѣ. Основателемъ этихъ первыхъ на Руси желѣзныхъ заводовъ былъ голландскій гость Андрей Денисовичъ Виніусъ, но въ 1637 году онъ принялъ къ себѣ въ компаньоны Петра Марселиса и голландскаго купца Тилемана Акему.

вѣка является вполне понятнымъ, когда мы учтемъ его значеніе при московскомъ дворѣ.

29-го Ноября Марселисъ видѣлся со Шликомъ и послѣ того скзывалъ въ Посольскомъ приказѣ:

— У Матиса на подворьѣ я былъ, и съ нимъ, Шликомъ, видѣлся. Говорилъ онъ мнѣ, что онъ отпущенъ къ великому государю, къ его царскому величеству, отъ датскаго Христіануса короля съ королевскою грамотою въ прошломъ году въ августѣ мѣсяцѣ изъ города Глюкштадта. Писана та грамота объ немъ, а что сверхъ того въ грамотѣ писано, того онъ не вѣдаетъ. Ту королевскую грамоту велѣно ему подать царскому величеству самому и рѣчью ему говорить приказано, а какой съ нимъ словесный приказъ, того онъ не сказалъ. Чаю я, что ему отъ короля наказано править царскому величеству челобитье и поздравленіе. Да онъ-же, Матисъ, говорилъ мнѣ, Петру, что отпускаючи его къ царскому величеству, король Христіанусъ приказывалъ ему, чтобы онъ, пріѣхавъ къ Москвѣ, совѣтовался обо всемъ со мною, Петромъ, и безъ моего вѣдома ничего не дѣлалъ. А какъ я нынѣшнимъ лѣтомъ былъ у датскаго короля Христіануса, мнѣ отъ короля о томъ Матисѣ королевскій приказъ былъ, чтобы я объ немъ порадѣлъ. А самъ Матисъ въ то время отъ короля отпущенъ былъ еще до моего пріѣзда. Родомъ Матисъ изъ королевства Чешскаго, человекъ именитый; изговянь отъ цесаря за вѣру.

О жестокой расправѣ съ чехами Фердинанда Австрійскаго русское правительство было достаточно освѣдомлено: среди офицеровъ иноземцевъ много было выходцевъ изъ Цесарской земли и изъ Германіи. О неистовствахъ и погромахъ, учиненныхъ войсками Тилли и Валленштейна, разсказывали очевидцы этихъ событій. Были и такіе офицеры, что до поступленія на русскую службу, сами служили въ войскахъ Валленштейна.

2-го Декабря 1642 года графъ Шликъ торжественно по посольскому обычаю представленъ былъ царю въ Золотой Палатѣ Кремлевскаго дворца.

За Шликомъ присланы были сани государевой конюшни. По бокамъ сани были покрыты медвѣжьимъ мѣхомъ. Провожатымъ его былъ приставъ Лаврентій Раевскій. Отъ паперти Благовѣщенскаго собора, и отъ Краснаго крыльца до Фроловскихъ воротъ и по Ильинскому

крестцу до самаго дома Ивана Грамотина, гдѣ проживаль Шликъ, выстроены были по обѣ стороны пути стрѣльцы съ пищалями. На паперти собора и на крыльцѣ стояли въ „чистомъ платьѣ“ дворяне и дѣти боярскія, гости и подъячіе. Въ сѣняхъ Золотой Палаты сидѣли въ золотѣ и въ черныхъ шапкахъ дворяне, дьяки и гости. Михаилъ Ѳеодоровичъ возсѣдалъ на царскомъ мѣстѣ въ средней Золотой Подписной палатѣ. Онъ былъ облаченъ въ царское платье съ діадемой и держалъ въ рукахъ скипетръ. Возлѣ государя были выстроены рынды въ бѣломъ платьѣ и въ золотыхъ цѣпяхъ. Справа отъ царя стояли нѣкоторые изъ князей, слѣва сидѣли бояре, окольничіе и дворяне большіе— всѣ въ золотомъ платьѣ и въ черныхъ шапкахъ.

Сани остановились у мостковъ противъ передняго быка Казенной Палаты. Отсюда графъ Шликъ прослѣдовалъ съ приставомъ Раевскимъ папертью Благовѣщенскаго собора и Крыльцомъ въ сѣни Золотой Палаты: здѣсь встрѣтили его дворянинъ князь Ѳеодоръ Оболенскій и дьякъ Иванъ Переносовъ, привѣтствовавшій его краткою рѣчью*).

Предшествуемый этими „встрѣчниками“ графъ Шликъ вступилъ въ царскую палату.

Окольничій Василій Ивановичъ Стрѣшневъ, на котораго возложено было „явить“ царю датскаго посланца, ударивъ челомъ Михаилу Ѳеодоровичу, провозгласилъ:

— Великій Государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, брата вашего Христіануса, короля датскаго, Матіасъ графъ фонъ-Шляковъ вамъ, великому Государю челомъ ударилъ.

Царь милостиво пожаловалъ графа къ рукѣ. Матіасъ принесъ челобитье и поздравленіе короля. Тогда царь, поднявшійся съ мѣста спросилъ про здоровье короля:

— Братъ нашъ любительный, Христіанусъ король, здоровъ-ли?

*) Переносовъ привѣтствовалъ его: „Великій государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, любя брата своего, государя вашего Христіануса, короля датскаго, и тебя, Матіаса, жадуя, велѣлъ встрѣтить тебя его царскаго величества дворянину князю Ѳеодору Тимофеевичу Оболенскому, да мнѣ дьяку—Ивану Переносову“.

Матіасъ, отвѣтивъ царю про здоровье короля, почтительно подалъ государю королевскую грамоту и два письма самого Шлика къ царю. По приказу царя печатникъ, думный дьякъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Лихачевъ, принявъ письма, отъ имени царя спросилъ о здоровіи графа. На томъ государевомъ жалованіи Шликъ билъ опять челомъ царю....

Аудіенція закончилась объявленіемъ государева жалованія:

— Графъ Матіасъ,—возгласилъ думный дьякъ Лихачевъ—великій государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, жалуетъ тебя своимъ государевымъ жалованіемъ и отъ своего царскаго стола яствою и питьемъ...

На этомъ аудіенція закончилась. „Встрѣчники“ проводили Шлика до конца сѣней Золотой Палаты. Тѣмъ же порядкомъ, какимъ прибылъ графъ Матіасъ во дворець, онъ отбылъ теперь къ себѣ на подворье.

Нѣкоторое время спустя, къ нему на домъ прибылъ стольникъ, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и, согласно установленному на этотъ случай церемоніалу, поставилъ ему пожалованный царскій столъ *).

*) Стольнику князю Юрью—гласилъ приказъ царя,—пріѣхавъ на дворъ къ Матіасу, выйти изъ саней, у лѣстницы, и идти къ нему въ хоромы, а за собою велѣтъ нести скатерть и судки, яство и питье, а пришедъ въ хоромы, молвить рѣчь: „Божьею Милостью великій государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, любя брата своего Христіануса, короля датскаго и нныхъ (земель), а тебя, Матіаса графа, жалючи, прислалъ тебѣ отъ своего государскаго стола яству и питье!“ А сказавъ это, на столъ скатерть послать и судки поставить, и вина и яству, и питье подавать по росписи, а подавъ вина и поставивъ яству на столъ по росписи, взять ковшъ питья и молвить: „Чаша великаго Государя, царя и великаго князя Михаилъ Ѳеодоровича, всеа Русіи самодержца и многихъ государствъ государя и обладателю, и его царскаго величества, сына Государя, царевича, князя Алексѣя Михайловича, да здравствуютъ государи: великій Государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всеа Русіи самодержецъ, и сынъ его Государскій, Государь Царевичъ, князи Алексѣй Михайловичъ на многія лѣта! Да будетъ межъ великимъ государямъ нашимъ его Царскимъ величествомъ и сыномъ его, Государемъ Царевичемъ и межъ королевскимъ величествомъ дружба и любовь множится и прибавляется!“

Сказавъ это, напередъ самому ковшъ выпить, а послѣ поднести Матіасу графу и приставу чашу подать. А будетъ графъ Матіасъ учнетъ говорить чтобы онъ (князь Юрій) съ нимъ вмѣстѣ сѣлъ за столъ государево жалованье ѣсть и пить, стольнику князю Юрью сѣсть на конецъ стола и подносить ему вино и медъ, а яству велѣтъ поставить

Шлику опредѣлено было казенное содержаніе. Въ докладъ изготовлена была справка, какое содержаніе выдавалось королевскимъ гонцамъ въ предшествующее время. Даны были справки о дачѣ казеннаго корма Вилиму Фандегудену, Ванъ-Торсену, Гольмеру и другимъ. Постановлено было выдавать датскому нѣмчину, графу Матіасу Шляковскому, поденнаго корму и питья съ Дворца: по 4 чарки вина боярскаго, по кружкѣ меду вишневаго, по 2 кружки меду паточнаго, по кружкѣ меду обарнаго, по 2 ведра пива добраго на день; изъ Большаго приходу: по 2 хлѣба, да по 2 калача двухденежнымъ, по гусю или по уткѣ, или по тетереву, по 2 части говядины, или баранины доброй, по 4 части ветчины, по 20 яицъ, по фунту масла коровьяго на день; на мелкое—на крупу, на соль, на уксусъ, на лукъ и чеснокъ, на капусту—по 2 алтына на день.

Людымъ его—двумъ человѣкамъ, пожаловано было поденнаго корму: по хлѣбу, да по калачу двуденежному, по 4 части говядины, да по 4 части ветчины или баранины, по 2 чарки вина и по 2 кружки пива. Дача меду имъ не была указана за тѣмъ, что самому графу Матіасу питье съ Дворца велѣно было давать нескудно.

Помимо указанной выдачи съѣстныхъ продуктовъ графу Шлику опредѣлена была дача топлива и казеннаго освѣщенія: по 2 воза дровъ на недѣлю, да въ поварню и въ избу по возу дровъ на 2 дня и на день по 2 деньги на свѣчи.

Предъявленный Шликомъ королевскій листъ представлялъ собою простое рекомендательное письмо. Король писалъ царю: „Здѣсь у насъ объявился, какъ мы пришли въ наше государство, сей добророжденный, нашъ особенно любительный, господинъ Матіасъ-Сигизмундъ графъ фонъ-Шлигъ, который покорно доложилъ, что онъ намыслилъ ѣхать въ вашъ стольный городъ и нѣкоторое время пробыть, прося насъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ письмомъ. Его, какъ человѣка, и его умѣніе намъ хвалили и онъ вамъ пригоденъ будетъ. Того ради вы соизволите,

но росниси. А будетъ графъ Матіасъ напередъ станеть нить Государево и Царевичево многолѣтнее здоровье, и ему дать въ томъ волю. А, выпивъ графу Матіасу и приставу подать. А послѣ того нить чаша датскаго Христіануса короля и при той чашѣ молвить: „Чаша за здоровье Христіануса короля датскаго и иныхъ (земель) и его королевскаго величества дѣтей!“ И, сказавъ, чашу выпить и Матіасу подать. А, подавъ чашу, ѣхать къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу, всеа Русіи. А будетъ Матіасъ учнетъ его дарить, и ему тѣ подарки принять, коли будетъ дарить добрыми дарами, а худыхъ не брать.

ради насъ, доброименованнаго графа въ его дѣлѣ милостиво принять и его при вашемъ царскомъ дворѣ въ воинскихъ дѣлахъ или въ иномъ, въ чемъ пригоже, пожаловать. И за то мы въ нашей любви также готовы воздать вамъ. Въ заключеніе передаемъ васъ во охраненіе Всемогущаго Бога“.

Письмо Шлика болѣе подробно излагало его желаніе.

„Наияснѣйшій король датскій, государь мой милостивый, здоровья добраго и счастливаго на долгія неизмѣримыя времена государствованія и во всемъ благословенія Божьяго, счастья изобильнаго и покоя и много всего добраго со мною своимъ слугой вашей cesарской милости отъ Господа Бога Всемогущаго истиннымъ чистымъ сердцемъ желаетъ,—писалъ Шликъ: также и всему наияснѣйшему cesарству вашей cesарской милости желательную пріязнь объявляетъ на вѣчныя времена. А что меня къ вашему cesарскому величеству съ листомъ своимъ королевскимъ прислалъ и обо мнѣ писалъ милостивому царю, то причиною того то, что въ нашемъ римскомъ cesарствѣ и въ королевствѣ чешскомъ война жестокая, мучительство великое, кровь христіанская по вся дни льется и миръ не наступаетъ, а оттого вельми много выгнанныхъ князей, и графовъ, и государей, и разныхъ людей по чужимъ сторонамъ волочится и въ изгнаніи пребываютъ, чужимъ добромъ питаюсь, а иные безъ милосердія замучены, всѣ ихъ имѣнія и животы отобраны, пожжены и опустошены.

„Ради такой воинской причины и немилосерднаго мучительства, наияснѣйшій король датскій по моему прошенію къ вашей cesарской милости меня послалъ и въ листѣ своемъ обо мнѣ писалъ, чтобы ваша cesарская милость меня къ службѣ своей соизволили принять, а устно повелѣлъ сказать, что съ нашимъ cesаремъ Фердинандомъ IV, королемъ чешскимъ, наияснѣйшій король датскій на томъ замирились, что никто изъ нихъ въ своей землѣ, на своей службѣ, не будетъ держать: cesарь римскій датскихъ людей, а король датскій cesарскихъ людей. Такой же миръ у него съ королемъ испанскимъ. Послы этихъ государей одновременно съ послами*) вашей cesарской милости были, и для того король меня тогда же съ послами вашей cesарской милости не отпустилъ, а только послѣ отпуску пословъ. И я теперь къ вашей cesарской милости пріѣхалъ и прошу соизволить меня къ службѣ своей принять. Всѣ мои города, и замки, и животы cesарь отнялъ, и я,

*) Шликъ имѣеть въ виду околыничаго С. М. Профстева и дьяка П. И. Патрикѣва.

теперь убогій выгнанецъ, только милостью короля живу и многихъ другихъ. Вашей цесарской милости обѣщаюсь вѣрно служить до тѣхъ поръ, пока Богъ изволить намъ миръ дать. А если бы я вашей цесарской милости не потребенъ былъ-бы къ службѣ, покорно прошу, чтобы ваша цесарская милость меня назадъ къ королю датскому отпустить изволили. Покорно прошу, чтобы ваша цесарская милость вѣчнымъ государемъ моимъ былъ, руды котораго съ низайшимъ покореніемъ цѣлую“.

Письмо было подписано:

„Вашей цесарской милости наивснѣйшаго цесаря и монарха и великаго князя слуга покорный Матьяшъ Жигимонтъ графъ Схляриковъ *)“.

Въ другомъ письмѣ, написанномъ на нѣмецкомъ языкѣ, графъ Шликъ поставлялъ царя въ извѣстность о своемъ умѣніи и знаніяхъ: „Вашему царскому величеству подданственно объявляю, въ чемъ я навъченъ: въ ратномъ строеніи, въ конной и пѣхотной рыцарской службѣ, въ сооруженіи и укрѣпленіи крѣпостей, городовъ и шанцевъ, пушечномъ и нарядномъ строѣ и что къ тому военному дѣлу принадлежитъ, также и въ языкахъ иныхъ земель: французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ, испанскомъ, чешскомъ, польскомъ и въ итальянскомъ; обо всемъ этомъ и буду я радѣть“.

Пріѣзды и поступленія на русскую службу знатныхъ и родовитыхъ иностранцевъ не были въ диковинку на Руси въ первой четверти XVII вѣка. Въ спискахъ выѣзжихъ иноземцевъ этого времени мы видимъ: графа Астона, Лесли, Гамильтона и Гордона—представителей старѣйшихъ дворянскихъ родовъ Шотландіи, англійскихъ дворянъ—Мориса, Вудгета и Шоу, французскаго дворянина барона де-Ремона, нѣмецкихъ дворянъ—фонъ-Хареслебена, фонъ-Менгдена, фонъ-Штадена, фонъ-Гове, Фукса-фонъ-Стразбурга, Либенау-фонъ-Лилиенклау и другихъ, сербскаго князя Великомирова, грека Палеолога и т. д. Русскіе государи издревле охотно принимали на свою службу „родомъ честныхъ“

*) Въ документахъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранились только переведенныя на русскій языкъ копіи королевскихъ и Шликовскихъ писемъ. Читая ихъ, немало удивляешься, какъ грамотен того времени ухитрились искажать фамилію Шлика. Его пишутъ: Шляковскимъ, фонъ-Шляковымъ, Фюншляковымъ и, наконецъ, Схляриковымъ.

иностраницевъ. Прїѣзжіе, сообразно своему положенію на родинѣ, ставились „въ версту“ тѣмъ или другимъ старо-русскимъ дворянскимъ родамъ, и съ этого времени наравнѣ съ ними несли службу и получали государево жалованіе.

Шлика приняли на службу, и 10 Февраля 1643 года онъ снова удостоился представленія царю, на этотъ разъ въ Столовой избѣ. Думный дьякъ Ѳ. Ѳ. Дихачевъ отъ лица Государя опять спрашивалъ его о здоровьи и объявилъ, что „для прошенія датскаго короля Христиануса онъ принятъ на государеву службу и великій государь жалуетъ его „за выѣздъ“. серебрянымъ золоченымъ кубкомъ, серебряною столою, двумя кусками бархата („рытаго червчатого и золотого съ серебромъ по зеленой землѣ“), двумя кусками камки („куфтера червчатого и адаманки лазоревой“), двумя кусками сукна („багреца червчатого и лундыша вишневаго“), двумя „сороками“ соболей, двумястами рублей, аргамакомъ, со всѣмъ конскимъ нарядомъ, и мериномъ.

Поденный кормъ на этотъ день былъ выданъ въ двойномъ размѣрѣ.

Эти царскія милости были слабымъ утѣшеніемъ для графа Шлика, разочарованнаго въ своей главной мечтѣ—въ полученіи руки царевны Ирины Михайловны.

Уже съ первыхъ дней пребыванія въ Москвѣ Шликъ убѣдился, что царскій дворъ не оставилъ мысли о бракѣ Вальдемара съ царевною. Въ этомъ непосредственно могли его убѣдить разговоры съ Марселисомъ, котораго русское правительство снаряжало теперь въ Данію улаживать дѣло со сватовствомъ.

4-го Декабря 1642 года Марселиса позвали въ Посольскій приказъ. Ему напомнили прежнія службы его отца, Гаврилы Марселиса, и его собственныя службы и полученныя за то многія царскія милости и жалованія, за этимъ предисловіемъ послѣдовало предложеніе ѣхать въ Данію и poradьтъ для великаго государя—сладить дѣло съ бракомъ. Разумѣется, въ поощреніе ему были обѣщаны богатыя награды. Марселисъ, самъ ревностный протестантъ, указалъ боярамъ, что ему завѣдомо извѣстно, что король ни въ какомъ случаѣ не согласится на перекрещиваніе Вальдемара въ православную вѣру и что ему о томъ даже рѣчи завести невозможно подъ опасеніемъ немедленной королевской опалы.

На это бояре ничего не сказали, а нѣсколько дней спустя, Марселисъ получилъ официальное извѣщеніе, что онъ назначенъ посломъ въ Данію. Составленъ былъ наказъ, въ которомъ царь обѣщалъ, что онъ будетъ держать королевича въ большомъ пріятельствѣ и въ государственной чести, пожалуетъ ему города Суздаль и Ярославль съ уѣздами, волостями и со всякими доходами, а также и иные города, села и волости, какіе ему годны будутъ, что „въ его вѣрѣ неволи ему не будетъ“.

Марселисъ сталъ готовиться къ отъѣзду.

Какъ разъ въ это время графъ Матіасъ подаетъ челобитную, что онъ и одинъ изъ его слугъ, Анцъ, желаютъ принять православіе. Это заявленіе знатнаго иноземца встрѣчено было съ особеннымъ удовольствіемъ. 12-го Февраля 1643 года, по приказу царя, Матіаса Шлика и Анца отправили „подъ началъ“ для подготовленія къ таинству крещенія въ Чудовъ монастырь. Графу дано было русское молитвенное имя—Левъ, а человѣку его русское имя Федоръ*).

Отправляясь „подъ началъ“, Шликъ заперъ свое имущество, запечаталъ его, ключи взялъ съ собою, а надзоръ за домомъ и лошадьми возложилъ на другого пріѣхавшаго съ нимъ слугу—Исаака Буколтова. Въ помощь ему онъ оставилъ еще четырехъ вновь нанятыхъ имъ слугъ. Списокъ всѣхъ своихъ слугъ онъ передалъ въ Посольскій приказъ.

Марселисъ уже готовился тронуться въ путь, когда отъ Шлика постушило челобитье, что слуга его Буколтовъ самовольно уѣзжаетъ съ Марселисомъ и подговорилъ другого его слугу, Онуфрія Симонова,

*) Отправляемымъ подъ начало даны были богатые дары. „Для подначальства, въ чемъ ему, графу, подъ началомъ быть, послано ему Государева жалованья съ Казеннаго двора платье:“ однорядка вишневаго сукна съ серебряными золочеными пуговицами, хабенъ вишневаго обьяри съ золотой нашивкою, тафтяные фериши на черевахъ бѣличьихъ съ нашивкою, зеленымъ шелкомъ и золотомъ, фериши холодные, тафтявые, съ нашивкою гвоздичнымъ шелкомъ съ золотомъ, кафтанъ мелкотравный червчатой камки, съ серебряной нашивкою, шапка чернаго бархата съ чернымъ лисьимъ околышемъ, сорочки, порты, верхній и нижній пояса, сафьянные червчатые сапоги, чюлки, штаны камчатые и понсъ въ штаны всего на 54 рубля, да ожерелье бурминскихъ зеренъ съ бахрамою.

Слуга Шлика, Анцъ, получилъ: англійскаго сукна однорядку, киндяковые фериши, киндяковой кафтанъ, штаны англійскаго сукна, рубашку и портки полотняные, два шелковыхъ пояса, шапку суконную съ пуховымъ околышемъ, барановые сапоги и чулки—всего на 8 рублей.

бѣжать съ покраденными вещами хозяина. Буколтовъ, дѣйствительно, собирался уѣзжать съ Марселисомъ. На предъявленныя къ нему обвиненія онъ показалъ, что онъ служить къ Шлику никогда не просился и „крѣпости“ ему на себя не давалъ, такъ какъ онъ государевъ человекъ; Онуфрія бѣжать не подговаривалъ. Бьетъ на него челомъ Матіасъ—пояснялъ Буколтовъ—въ досадѣ, что онъ ѣдетъ въ Датскую землю съ Петромъ Марселисомъ.

Графу Матіасу была причина досадовать на отъездъ слуги. Довѣрилъ ли онъ самъ ему въ минуту откровенности свои планы о женитьбѣ на царевнѣ или тотъ провѣдалъ о томъ какимъ либо другимъ путемъ, но только несомнѣнно тайныя намѣренія Шлика раскрыты были голштинскому и датскому дворцамъ ни кѣмъ другими, какъ Марселисомъ и Буколтовымъ. Марселисъ сообразилъ, какую выгоду онъ можетъ извлечь для себя отъ датскаго дворца, если во время разоблачить затѣю Шлика. И, по всей вѣроятности, забиралъ онъ съ собою въ Данію Буколтова, именно какъ свидѣтеля, могущаго уличить графа Матіаса. Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить внезапный отъездъ Буколтова послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ Россіи. Изъ того обстоятельства, что Шликъ никому другому, а ему, довѣрилъ свой домъ и имущество, мы должны вывести заключеніе, что онъ пользовался полнымъ довѣріемъ графа, и ужъ потому самому не могъ быть недовольнымъ имъ. Очевидно, другія соображенія руководили Буколтовымъ, когда онъ вдругъ надумалъ ѣхать въ Данію.

Попытка со стороны Шлика путемъ тяжбы задержать Буколтова въ Россіи опять такъ очень характерный эпизодъ. Несомнѣнно, Шлику былъ крайне нежелателенъ его отъездъ.

За отсутствіемъ уликъ, Буколтова отпустили въ Данію. Онуфрія Симонова не сыскали.

Ознакомленіе Матіаса Шлика съ православнымъ ученіемъ и съ чиномъ православнаго богослуженія возложено было на чудовскаго іеромонаха о. Митрофана. 25-го марта, въ Лазареву субботу, состоялся обрядъ крещенія. Крестнымъ отцомъ былъ бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ. Купель обита была настрафильнымъ червчатымъ сукномъ, по краямъ купель и въ самую купель впущена была на одну четверть аршина кайма изъ него. Купель завѣшена была „запономъ“ изъ желтаго атласа.

„Для крещенія“ дано было новообращенному князю Льву Шляковскому государево жалованіе*).

На слѣдующій день новокрещенецъ получилъ столъ и отъ государя и отъ крестнаго отца. Сверхъ того прислалъ ему послѣ заутрени патриархъ Іосифъ съ ключаремъ Иваномъ увѣщанную фруктами вербу.

Изъ-за этой вербы между княземъ Шляковскимъ и его приставомъ Лаврентіемъ Раевскимъ возникло любопытное тяжбное дѣло, очень характерное для нравовъ XVII вѣка. Князь Левъ въ великій понедѣльникъ подалъ на своего пристава челобитную, что тотъ взялъ у него и оставилъ у себя и раздарилъ роднѣ патриаршую вербу и яству, а также нѣсколько вещей изъ жалованныхъ царемъ и привезенныхъ имъ съ собою. Приносимые Шлику въ монастырь отъ царскаго стола по воскреснымъ и субботнимъ днямъ свѣжую рыбу, яблоки, груши, вишни и другія лакомства, Лаврентій Раевскій отбиралъ въ свою пользу и отправлялъ къ себѣ на домъ. Когда князь Левъ послалъ Лаврентьева сына съ именнымъ перстнемъ и съ ключами на свой дворъ, чтобы тотъ взялъ тамъ на расходы деньги, молодой Раевскій ключи и деньги принесъ, а перстня не вернулъ, заявивъ ему, что якобы нечаянно потерялъ его. Пытался также Лаврентій Раевскій склонить его къ недобрымъ поступкамъ: такъ однажды принесъ ему фляжку горячаго вина и приказывалъ ему пить то вино. Когда князь Левъ отказывался, ссылаясь на постные дни и что безъ вѣдома архимандрита и іеромонаха Митрофана вино пить онъ не смѣетъ, Лаврентій уговаривалъ его пить безъ ихъ вѣдома и, получивъ отказъ, донесъ отцу Митрофану, будто князь Левъ безъ его вѣдома держитъ у себя въ келіи вино и пьетъ. Іеромонахъ Митрофанъ понапрасну сильно укорялъ Льва. Въ другой разъ опять принесъ ему вино Лаврентій,

*) Шликъ получилъ: золотой крестъ съ камнями, съ червчатыми искорками и съ черныи, цѣною въ 5 руб. 30 алтынъ, сорочку и порты тафтяные, цѣною въ 10 рублей, пристяжное къ сорочкѣ ожерелье, низанное въ шахматномъ порядкѣ, съ лаловыми пуговицами и яхонтовыми зернами, цѣною въ 40 рублей, верхній шелковый съ золотомъ поясъ съ такими же кистями, цѣною въ 1 рубль 28 алтынъ и 4 деньги и поясъ нижній, кружковый шелковый тесьмы съ серебрянною оковою, цѣною въ 1 рубль 15 алтынъ. Кромѣ того ему-же, князю Льву, передано съ Казеннаго двора, какъ вышелъ онъ изъ купели: чехоль-шуба кунья съ бобковымъ ожерельемъ, атласный кафтанъ золотой опашень объяринный, ферязи, однорядка скорлатная, шапка бархатная, штаны камчатые, „турскій“ сафьянъ на башмаки и сапоги, два ожерелья стоячія и одно отложное, да тафля, низанная жемчугомъ, на 150 рублей. А всего дано было на сумму свыше 288 рублей 27 алтынъ. Въ этотъ счетъ не входитъ то имущество, которымъ одарилъ своего крестника бояринъ Шереметевъ.

чарокъ съ пять, и снова уговаривалъ пить: это де вино доброе, двойное, такое вино жена его пьетъ, и пусть Левъ жены его не безчеститъ и пьетъ то вино; Шляковскій опять отказался. „И нынѣ—показывалъ князь Левъ—какъ пѣли молебень, при архимандритѣ, келарѣ, при всѣхъ соборныхъ старцахъ и при многихъ другихъ честныхъ людяхъ, Лаврентій, подойдя къ нему, сказалъ съ большимъ шумомъ и махая шапкой: „спасибо тебѣ на твоей чести“,—и ему, Льву, отъ того былъ великій стыдъ.

Иеромонахъ Митрофанъ подтвердилъ показанія Шлика.

Раевского замѣнили другимъ приставомъ. И ему, князю Льву, приказано было размѣняться взаимно взятыми вещами. Пристава присудили посадить на недѣлю въ тюрьму, но, по случаю Страстной недѣли и Пасхи, отерочили отбытіе наказанія до Фоминой недѣли.

6-го апрѣля новокрещенный удостоенъ былъ представленія Государю.

—Великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всеа Руссіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель,—возгласилъ думный дьякъ Ѳ. Ѳ. Лихачевъ—новокрещенъ князь Левъ Шляховскій вамъ, великому государю, челомъ ударилъ и на вашемъ царскомъ жалованіи челомъ бьетъ.

Царь пожаловалъ князя къ рукѣ и велѣлъ спросить о его здоровіи. Исполнивъ это, царскій печатникъ „сказалъ князю государево жалованіе“:

—Великій государь велѣлъ тебѣ сказать: пріѣхалъ ты къ нашему царскому величеству служить и билъ намъ челомъ, чтобы тебя пожаловать, велѣтъ крестить въ православную христіанскую вѣру; мы тебя пожаловали, крестить въ православную христіанскую вѣру велѣли, и ты бы намъ служилъ и прямилъ и былъ надеженъ на наше царское жалованіе, которымъ и нашею царскою милостью мы тебя за твою службу не оставимъ

Свою рѣчь печатникъ закончилъ перечисленіемъ вновь жалуемыхъ князю вещей и денегъ. Ему были пожалованы: атласная золотая на соболяхъ шуба съ серебряными позолоченными пуговицами, горлатная шапка, серебряный вызолоченный кубокъ, серебряная золоченая стопа, сереб-

ряная золотая братина, серебряный золоченый ковшъ, куски атласа золотнаго, свѣтлозеленаго и лазореваго, червчатый бархатъ, три портища по 10 аршинъ камки желтой (куфтеръ), лазоревой и камки кармазина и сорокъ соболей.

Князь Левъ Шляковскій приглашенъ былъ къ царскому столу. Посадили его ниже бояръ, но выше казначея.

Тогда-же были пожалованы ему двѣ тысячи четвертей помѣстнаго оклада и денежный окладъ въ размѣрѣ 300 рублей въ годъ. Изъ дома Грамотина Шликъ переѣхалъ въ подаренный ему домъ въ приходѣ Введенія въ Китай-городѣ—въ бывшій печатный дворъ. На ремонтъ дома отпущено ему было 7-го мая 300 рублей. Поденный кормъ опредѣленъ былъ ему первоначально въ 60 рублей въ мѣсяць, а съ 10-го мая, согласно его челобитью, былъ повышенъ до 90 рублей. Сверхъ того ему отпускали конскаго корму на 10 лошадей, дровъ по 10 возовъ на недѣлю, по 4 деньги въ день на свѣчи, и питье—въ прежнее размѣрѣ.

IV.

20-го Марта 1643 года Марселисъ представилъ королю письмо, въ которомъ были изложены московскія условія. Христіанъ IV, сильно тѣснымъ шведами, охотно согласился отпустить своего сына. 8-го Апрѣля послѣдовалъ отвѣтъ короля на письмо царскаго посла Петра Марселиса. Король соглашался на предложеніе касательно брака графа Вальдемера съ царевной Михайловной и высказалъ надежду, что Вальдемару будетъ разрѣшено поставить протестантскую церковь, спрашивалъ, на чей счетъ будетъ содержаться дворъ Вальдемара, и выражалъ увѣренность, что его сыну предоставятъ право одѣвать своихъ служащихъ, какъ онъ хочетъ.

17-го Апрѣля того-же года король отправилъ новую грамоту къ царю. Въ ней онъ отступался отъ „поляка“ Матвѣя Сигизмунда Schlaukoff'a, котораго въ прошломъ году рекомендовалъ царю. Противно обѣщанію полякъ этотъ,—увѣдомлялъ король царя Михаила Ѳеодоровича,—поступилъ не по пригожу, и потому король предоставлялъ царю дѣлать съ нимъ, что хочетъ. Письмо заканчивалось выраженіемъ благодарности по поводу удовлетворенія изъ царской казны Бахерахта за пропавшее у него въ Архангельскѣ добро*).

*) Ю. Н. Щербачевъ. Датскій Архивъ, стр. 219—230.

Это первое со дня отъезда Марселеса письмо короля къ царю несомнѣнно было вызвано опасеніемъ, какъ бы Шликъ, принявшій православіе, не отгѣснилъ бы своего соперника графа Вальдемара. Такъ какъ Михайль Ѳеодоровичъ имѣлъ достаточныя основанія за плѣнь отца и другія польскія обиды относиться къ полякамъ особенно недружелюбно, то король дѣлаетъ попытку набросить тѣнь на происхождение Шлика, выставивъ его полякомъ. Секретарь голштинскаго посольства Олеарій, рассказывающій намъ исторію обращенія Шлика въ православіе и за эту перемѣну вѣроисповѣданія очень неблаговолившій къ нему, говоритъ еще опредѣленнѣе о его самозванствѣ:

„Этотъ графъ Шляковскій, о которомъ я говорилъ выше, прибылъ въ 1640 году въ Голштинію и Данію, и трогательно жаловался его княжеской свѣтлости и его величеству королю Христіану IV, какъ его, происходящаго ихъ графскаго рода Шликъ, ради евангелической религіи, преслѣдуютъ католики. Онъ такъ убѣдительно излагалъ свои дѣла, что эти государи были тронуты состраданіемъ, оказали ему всяческую милость и дали по его горестной просьбѣ ему рекомендацію и прочее къ его царскому величеству въ Московію. Когда онъ по этому королевскому предложенію былъ хорошо принятъ въ Москвѣ, онъ высказалъ весьма свободный образъ мыслей, сталъ говорить, что онъ прибылъ въ страну, чтобы принять русскую религію и остаться у его царскаго величества. Русскимъ это очень понравилось, особенно потому, что онъ былъ знатнаго рода—русскіе это очень цѣнятъ, и знали къ тому же латинскій и польскіе языки; его охотно приняли и крестили, сдѣлали его княземъ и дали ему имя—князь Левъ Александровичъ Шликъ. Ему стали отпускать ежемѣсячное жалованіе наличными деньгами въ размѣрѣ 200 рейхсталеровъ. Нѣкоторые думали, что онъ имѣлъ виды на бракъ съ великой княжной Ириной Михайловной. Когда онъ однако узналъ, что идутъ переговоры о выдачѣ ея за иностраннаго графа и что по этому поводу уже два посольства были отправлены изъ Москвы въ Данію, онъ почувствовалъ очень большую досаду; однако, въ концѣ концовъ, онъ остался доволенъ, что за него выдали дочь знатнаго боярина. Когда съ теченіемъ времени, упомянутый нами, его величество король датскій, узналъ, что этотъ Шликъ не изъ столь высокаго рода, но просто поданный польскаго графа Каспара фонъ Денгоффа и что онъ воспользовался рекомендаціей только для того, чтобы перебѣжать, великому князю сообщена была истина и принесено было ему извиненіе за предложеніе, хитростью добытое. Его царскому величеству было крайне непріятно узнать объ этомъ обстоятельстве, но онъ не захотѣлъ отнять уже

разъ дарованную милость: онъ оставилъ за нимъ титулъ князя и жалованіе, которые и теперь ему принадлежатъ, но его строго призывали къ отвѣту и бранили за то, что онъ выдалъ себя за графа фонъ-Шлика. И послѣ этого, какъ и въ наши дни, онъ писалъ себя княземъ Львомъ Александровичемъ Шляковскимъ и считался среди дворянъ или гофъ-юнкеровъ царя.“¹⁾

Русскіе историки А. Барсуковъ и Д. Цвѣтаевъ²⁾ приняли на вѣру сообщеніе Олеарія и пишутъ о Шликѣ, какъ о дѣйствительномъ самозванцѣ, между тѣмъ уже одно сопоставленіе датъ письма короля и царскихъ пожалованій Шлику, сдѣланныхъ въ Маѣ мѣсяцѣ, показываетъ, что попытка короля очернить Шлика не имѣла успѣха въ Москвѣ. Также трудно повѣрить, чтобы при датскомъ дворѣ могли бы попасть въ просакъ и безъ повѣрки показаній Шлика признать въ полякѣ-авантюристѣ представителя графскаго двора Шликовъ. Фамилія эта была слишкомъ хорошо извѣстна въ Даніи. Даже если принять ту дату пріѣзда Шлика къ голштинскому двору, какую указываетъ Олеарій, т. е. 1640 годъ, то и тогда за два года его пребыванія при дворахъ голштинскаго герцога и датскаго короля было достаточно времени для того, чтобы обнаружить самозванство Шлика. Вѣдь, какъ разъ въ это самое время шли переговоры о бракѣ Вальдемара съ дочерью бывшаго чешскаго короля Фридриха Пфальцкаго, а дворъ чешскаго короля былъ хорошо освѣдомленъ о представителяхъ фамиліи Шликъ.

Очень можетъ быть, передъ тѣмъ, какъ прибыть къ голштинскому двору, Матиасъ Шликъ дѣйствительно служилъ въ войскахъ Каспара Денгоффа. Въ годы тридцатилѣтней войны мы видимъ представителей, какъ нѣмецкой, такъ и чешской аристократіи, на службѣхъ и протестантскихъ, и католическихъ генераловъ. Графы Мансфельдъ и Бернгардъ Веймарскій вербовали себѣ офицеровъ въ рядахъ германскаго и австрійскаго дворянства. Изъ родословной Шликовъ извѣстно, что графъ Янъ-Арноштъ Шликъ, изъ фалькновской линіи, умершій въ 1623 году, состоялъ на службѣ у графа Мансфельда. Изъ той же линіи Криштофъ-Корель умеръ на войнѣ въ 1633 году, состоя на службѣ также одного изъ протестантскихъ генераловъ. Какъ мы видѣли выше, маршалъ Индрихъ Шликъ сражался въ это же время въ вой-

¹⁾ Олеарій. Описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію. Книга III, глава 24.

²⁾ Дм. Цвѣтаевъ. Протестанство и протестанты въ Россіи, стр. 355—370, А. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, т. III, гл. 13.

скахъ Валленштейна, при чемъ двоекратно воевалъ въ голштинскихъ и датскихъ земляхъ.

Извѣтъ датскаго короля не повліялъ на судьбу Шляковскаго. За него была выдана замужъ дочь знатнаго и богатаго боярина, Марѳа Васильевна Шереметева, единственная дочь нижегородскаго воеводы Василія Петровича, любимаго племянника ближняго боярина Ѳеодора Ивановича Шереметева. Василій Петровичъ Шереметевъ не завѣдывалъ никакимъ отдѣльнымъ учрежденіемъ, но неотлучно состоялъ при Дворѣ и въ спискѣ лицъ, которымъ царь поручалъ Москву во время своего отсутствія. На царскихъ обѣдахъ Василій Петровичъ занималъ слѣдующее мѣсто послѣ дяди своего Ѳеодора Ивановича Шереметева*). Если не осуществилась завѣтная мечта Шлика—жениться на царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ, то все же въ извѣстной мѣрѣ онъ могъ считать себя удовлетвореннымъ, такъ какъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича фамилія Шереметевыхъ первенствовала въ рядахъ московской знати.

Свадебные расходы Шлика, въ ихъ нѣкоторой части, отнесены были за счетъ казны.

Пріѣзжавшій въ томъ же году въ Москву, голштинецъ Олеарій видѣлъ молодыхъ вскорѣ послѣ свадьбы и пользовался гостепримствомъ князя въ его собственномъ каменномъ домѣ, который, какъ указано выше, находился недалеко отъ Идьинскаго крестца, въ приходѣ Введенія, у Гостиннаго двора.

„Послѣ богатѣйшаго угощенія—разсказываетъ Олеарій—графъ Шликъ отозвалъ меня особо отъ остальныхъ гостей, повелъ въ другую комнату и сказалъ, что самая большая честь и благорасположеніе, какіе только могутъ быть оказаны гостю въ Россіи, состоятъ въ томъ, что жена хозяина, какъ домоправительница, сама выходитъ къ пирующимъ, и такъ же какъ и хозяинъ, потчуетъ гостя. А такъ какъ я, служа у его свѣтлости, герцога Голштинскаго, очень пріятенъ ему, то, въ честь и въ уваженіе герцога, котораго многими высокими милостями пользовался онъ во время своихъ странствованій и гоненій, онъ желаетъ и мнѣ оказать подобную честь. Вслѣдъ за симъ явилась супруга графа, весьма красивая собою, хотя и подрумяненная, въ подвѣчномъ платьѣ въ сопровожденіи другой женщины, которая несла графинѣ съ

*) Ал. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, т. III, гл. 13.

водкой и чарку. Войдя въ комнату, хозяйка поклонилась сперва своему мужу, потомъ мнѣ, затѣмъ приказала налить чарку водки, поднесла ее къ своимъ губамъ, и потомъ поднесла сама чару мнѣ и попросила вышить меня, что повторила три раза. Послѣ этого графъ пожелалъ, чтобы я поцѣловалъ хозяйку; но такъ какъ я непривыченъ былъ къ такой чести, то и поцѣловалъ только руку у графини. Графъ не удовольствовался этимъ, настаивалъ, чтобы я поцѣловалъ графиню въ губы и, изъ уваженія къ нему, я долженъ былъ исполнить по ихъ обычаю его просьбу. Въ заключеніе графиня подарила мнѣ носовой платокъ изъ бѣлой тафты, вышитый золотомъ и серебромъ и украшенный длинною бахрамою. Такими платками жены и дочери знатныхъ господъ дарятъ обыкновенно къ свадьбѣ невѣсть; такъ и на подаренномъ мнѣ платкѣ вышито было мелкими буквами имя Стрѣшнева, которое принадлежало брату отца великой княгини^{*)}.

V.

Съ грамотою короля отъ 8-го Апрѣля Марселисъ вернулся въ Россію и торжественно былъ принятъ царемъ, какъ датскій посланникъ. Онъ не преминулъ подать челобитную о возмѣщеніи якобы понесенныхъ имъ въ Даніи убытковъ, хотя при отправленіи туда щедро, не въ примѣръ другимъ посламъ, надѣленъ былъ на расходы и соболями и деньгами, а лично для себя обезпечилъ привилегію на желѣзный промыселъ въ Россіи на 20 лѣтъ.

Въ приказѣ заготовлена была отвѣтная грамота королю. Въ ней дано было царское согласіе на всѣ условія короля и обѣщана прибавка денежнаго приданого въ суммѣ 300 тысячъ рублей. Королевичу разрѣшалось взять съ собой изъ Даніи 300 человекъ. Всѣ земли, принадлежащія ему въ Даніи, должны были остаться въ вѣчномъ наследственномъ владѣніи обоихъ супруговъ. Королевичу и всѣмъ служащимъ при немъ гарантирована была свобода вѣронсповѣданія.

За это же время Марселисъ вкупѣ съ другими видными представителями протестантской колоніи въ Москвѣ, Генрихомъ Келлерманомъ и ротмистромъ Андреемъ фонъ-Менгденомъ, выхлопываетъ разрѣшеніе построить кирку за Землянымъ Городомъ между Фроловскими и Покровскими воротами.

*) Олеарій. Описаніе путешествій гоштинскаго посольства въ Московію.

19-го Іюня 1643 года Марселись тайно докладываетъ государю подробности своего посольства, а 20-го Іюня послѣдовалъ приказъ государя отвести подъ кирку указанное челобитчиками мѣсто—это былъ огородъ Никиты Зюмина*).

Отвѣтную грамоту въ Данію повезъ Марселись.

Въ Октябрѣ 1643 года графъ Вальдемаръ съ громадною свитою, съ послами Олавомъ Пасбиргомъ и Стрено Вилленомъ, которымъ поручено было королемъ завершить съ боярами окончательную грамоту о бракѣ королевича съ царевной, и съ Марселисомъ, пожалованнымъ королемъ за его службу въ потомственные дворяне, тронулся въ далекій путь, къ уже знакомой ему Москвѣ. Его сопровождалъ пасторъ Фильгоберъ.

Марселись не замедлилъ увѣдомить царя объ отъѣздѣ королевича и посольства и закончилъ извѣщеніе новою просьбою для себя государева жалованія. Царь назначилъ ему награду. За этимъ извѣщеніемъ слѣдуетъ второе, что королевичъ послалъ впередъ себя въ Ригу сто человѣкъ своей свиты и 80 лошадей, „а я—указывалъ Марселись—долженъ былъ вашего царскаго величества честь оберегать и многими нарочными подарками дарить, для чего принужденъ былъ деньги занимать“. Черезъ нѣкоторое время слѣдуетъ опять просьба: простить всѣ долги въ Россіи его брата и т. д. Все было выплачено за счетъ казны.

Торжественно встрѣчали королевича Вальдемара повсюду въ Россіи, подносили высокому гостю хлѣбъ-соль, золотую и серебряную посуду, соболей и цѣнныя ткани. По прибытіи королевича въ Москву, его помѣстили въ Кремлѣ, на старомъ Царево-Борисовомъ дворѣ.

28-го Января 1644 года въ Грановитой палатѣ состоялся торжественный пріемъ посольства. Послы открыто заявили, что Христіанъ IV отпустилъ сына для вступленія въ бракъ съ царевной Ириной Михайловной и просили царя укрѣпить договоръ о бракѣ крестнымъ цѣлованіемъ. Отъ имени царя имъ отвѣчалъ думный дьякъ. Онъ завѣрялъ пословъ о желаніи царя имѣть королевича въ ближайшемъ присвоеніи. Послы подвели Вальдемара къ царю, тотъ обнялъ его и посадилъ рядомъ съ собою по правую сторону. Налѣво отъ царя сидѣлъ царевичъ Алексѣй Михайловичъ. Въ томъ же порядкѣ сидѣли они и за

*) Дм. Цвѣтаевъ. Протестанство и протестанты въ Россіи, стр. 75—77.

царскимъ столомъ. И государь и царевичъ богато одарили своего будущаго родственника.

Съ 8-го Февраля начинаются усиленные уговоры и просьбы, чтобы королевичъ съ царемъ и царской семьей вѣрой соединился. На эти уговоры Вальдемаръ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Переговоры затянулись и вскорѣ взаимныя отношенія между царемъ и королевичемъ, кстати замѣтимъ, очень несдержаннымъ, сильно обострились.

Вальдемаръ рѣшилъ бѣжать изъ Москвы. 9-го Мая въ третьемъ часу ночи онъ дѣлаетъ попытку осуществить свое намѣреніе и въ сопровожденіи 15 человекъ втайнѣ отъ словесъ и остальной свиты покидаетъ свой дворецъ и направляется къ Тверскимъ воротамъ. Встрѣчный караулъ заступилъ было ему дорогу, но датчане вступили съ ними въ рукопашную и, многихъ поранивъ шпагами, прочистили себѣ дальнѣйшій путь. Къ нимъ присоединилось еще около 15 человекъ, конныхъ и пѣшихъ. У Тверскихъ воротъ караулъ, усиленный собравшимися во множествѣ стрѣльцами, одолѣлъ датчанъ. Въ свалкѣ сильно побили и самаго королевича. Датчане, оставивъ одного изъ своихъ товарищей въ плѣну, укрылись во дворцѣ королевича. Когда стрѣльцы съ плѣнникомъ поровнялись съ соборомъ Николы Гостунскаго (плѣнника вели въ Кремль), его товарищи снова напали на нихъ, шестерыхъ ранили, а одного на смерть закололи и плѣнника отбили.

На царя и близкихъ къ нему это побоище произвело удручающее впечатлѣніе. Наряжено было слѣдствіе. Къ королевичу обратились съ просьбой, чтобы онъ розыскалъ, кто изъ его людей произвелъ такое безчинство и виновныхъ въ убійствѣ казнилъ бы смертью. Князь Сицкій и думный дьякъ Львовъ предупредили Вальдемара, что, буде королевичевы люди и впредь такъ будутъ дѣлать, царскіе люди терпѣть того не стануть. Королевичъ завѣрилъ, что онъ разыщетъ и накажетъ виновныхъ. Объ участи самаго королевича въ буйствѣ и о его попыткѣ бѣжать въ то время, повидимому, не подозрѣвали.

Исторія эта, можетъ быть, и заглохла бы, но тутъ вмѣшался старый соперникъ Вальдемара князь Левъ Шляковскій. Онъ написалъ на королевича изобличащій доносъ. Доносилъ князь Шляковскій, что приходилъ къ нему королевичевъ нѣмчинъ и тотъ нѣмчанъ сказывалъ ему, князю Льву, что свейскій (шведскій) секретарь Лаврентій Грелля писалъ де князю изъ Риги о государевыхъ дѣлахъ, но письма тѣ датскіе королевскіе люди перехватили и королевичевъ моршалоку ему, нѣмчину, выговаривалъ со спѣсью, зачѣмъ де онъ со свейскимъ секретаремъ ссылается; съ того самаго числа не сталъ ему маршалокъ вѣрить и учалъ отъ него оберегаться. Онъ же—нѣмчинъ королевичевъ, ска-

зываетъ ему, князю Льву, что королевичъ хотѣлъ самъ—третей бѣжать изъ Москвы, назвавшись именемъ комнатнаго своего человѣка. Съ нимъ долженъ былъ бѣжать его фурьеръ, по русски, поясняя князь Шляковскій, — „вожжей“. Отецъ того вожжаго многое время былъ во Псковѣ торговымъ человѣкомъ. Добавляя нѣмчинъ: когда была свалка стрѣльцовъ съ датчанами, обронилъ королевичъ свой мѣшечекъ и свою шпагу; объ мѣшечкѣ онъ очень тужилъ, шпагу же и по сію пору не нашли. О такомъ королевичевомъ побѣгѣ послы датскіе очень кручинились и говорили, что они рады были бы уѣхать изъ Москвы безъ него.

Донось князя Шляковского вынудилъ Вальдемара сознаться въ своемъ поступкѣ. Онъ показаль, что у него, дѣйствительно, было намѣреніе выѣхать за Тверскія ворота и что стрѣльца онъ самъ убилъ. Михайль Ѳеодоровичъ, глубоко оскорбленный поведеніемъ Вальдемара, послалъ ему строгій выговоръ.

Какъ извѣстно, бракъ царевны съ Вальдемаромъ не состоялся. 12-го Іюля 1645 года скончался царь Михайль Ѳеодоровичъ, а 18-го Августа того же года царица Евдокія Лукьянишна. За день до ея смерти Вальдемару дана была прощальная аудіенція. Новый государь, Алексѣй Михайловичъ, объявилъ королевичу, что онъ, положивъ дѣло о бракѣ на судъ Божій, отпускаетъ его съ честью и надеждой, что дружба между датскимъ королемъ и московскимъ государемъ продолжится и на будущее время. Королевича и его людей, не исключая пастора Фильгобера, богато одарили. 20-го августа длинный обозъ датчанъ оставилъ Москву.

Какъ же протекала служба князя Шляковского за время этого двухлѣтняго пребыванія датчанъ въ Россіи? Извѣстно, что въ 1644 году онъ находился на службѣ въ Свіязскѣ, остальное время, повидимому, пребывалъ въ Москвѣ, занимаясь въ Посольскомъ приказѣ.

Уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича, весной 1646 года, князь Левъ Александровичъ назначенъ былъ воеводою въ Алатырь, ему ввѣрена была защита границы отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Годъ спустя, его постигаетъ царская опала: онъ былъ сосланъ въ Соловки, откуда возвращенъ только въ 1648 году. Какой проступокъ вызвалъ эту кару, не извѣстно. Барсуковъ и Цвѣтаевъ, опираясь на Олеарія, полагаютъ, что наказаніе явилось результатомъ раскрытія самозванства Шлика. Съ этимъ нельзя согласиться. Обличительное письмо датскаго короля, какъ мы видѣли выше, датировано 1643 годомъ, а царская опала постигаетъ князя въ 1647 году. Явная несообразность. Да и самый родъ наказанія—ссылка въ монастырь заставляеть думать, что въ данномъ случаѣ Шляковскій понесъ наказаніе не за какую либо

вину служебную или гражданскую, если можно такъ выразиться, а за проступокъ религіознаго характера, что вполне возможно допустить, вспомнивъ заявленіе Оларія о его „нѣсколько свободномъ образѣ мыслей“.

На время ссылки женѣ князя, Марѣѣ Васильевнѣ, опредѣлена была дача поденнаго корма и питья, противъ прежняго жалованія ея мужа, въ половинномъ размѣрѣ. Въ 1648 году, по возвращеніи изъ ссылки, князь Шляковскій билъ челомъ, что онъ „съ женишкою и людишками помираеть съ голоду: пить и есть нечего“. По его челобитной ему положили жалованіе, но опять въ половинномъ размѣрѣ. Позднѣе онъ подаетъ челобитную на Данила Ивановича Траханіотова, что тотъ написалъ имя его безъ „вича“, между тѣмъ, какъ государь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ его „вичемъ“.

По справкѣ оказалось, что въ 1646 году поденный кормъ и питье были ему писаны съ „вичемъ“, со времени ссылки въ Соловки по 13 января 1649 года безъ „вича“, а потомъ опять съ „вичемъ“. Конца этого дѣла въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ не имѣется, но изъ другихъ дѣлъ посольскихъ, видно, что онъ былъ удовлетворенъ въ своемъ челобитѣ. Неоднократно домъ его служилъ помѣщеніемъ для цесарскаго посольства. Въ 1655 и 1656 годахъ его домъ былъ отведенъ въ пользованіе пословъ императора Фердинанда III и въ 1658 году, какъ помѣщеніе для пословъ Леопольда Венгерскаго¹⁾. Изъ этого факта можно заключить, что по тому времени домъ Шляковскаго былъ изъ лучшихъ въ Москвѣ. Въ грамотѣ объ отводѣ его дома посламъ князь Шляковскій каждый разъ написанъ съ „вичемъ“.

Бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ, крестный отецъ Льва Шляковскаго, повидимому, долго не оставлялъ крестника своими милостями. Въ составленномъ имъ осенью 1644 года завѣщаніи онъ сдѣлалъ такую запись: „Да крестнику моему князю Льву Александровичу Шлякову-чешскому дать вотчину мою, въ Коломенскомъ уѣздѣ, деревню Ивановскую, Кобяково тожь, съ деревнями и пустошами. А буде князя Льва Александровича судомъ Божьимъ не станетъ бездѣтна, и та вотчина внукъ моей, а его князь Львовъ княгинѣ Марѣѣ Васильевнѣ; а буде внукъ моей не станетъ бездѣтной, и та моя вотчина брату ея, Петру Васильевичу Шереметеву“.

Позднѣе бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ измѣнилъ свою волю и въ изустной памяти 1649 года отказалъ Кобяково своему внуку Никитѣ Ивановичу Шереметеву²⁾. Эту перемѣну распоряженія завѣщателя исто-

¹⁾ „Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранныхъ“, т. III, стр. 271—272, 295, 333—334.

²⁾ Ал. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, т. III, стр. 251—252, 509, 512, Дм. Цвѣтаевъ. Протестанство и протестанты въ Россіи, стр. 368—369.

рики Барсуковъ и Цвѣтаевъ учли опять, какъ доказательство самозванства Шлика. Но такой выводъ является неотвѣчающимъ датамъ; объ даты: дата совершенія завѣщанія и дата отмѣны его, напротивъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ устраняють предположеніе, что на волю завѣщателя повліяло обличительное письмо датскаго короля. И вообще, нужно сказать, русскіе бояре—современники князя Шляковского вовсе не были такими простачками, чтобы полагаться на письма иностранныхъ государей. Уже одна исторія съ samozванствомъ Джемидитрія Перваго заставляла ихъ очень критически относиться къ показаніямъ и свидѣтельствамъ иностранцевъ. А здѣсь, къ тому же, русскій Дворъ этого времени прекрасно былъ освѣдомленъ о положеніи дѣлъ въ Чехіи непосредственно отъ своихъ же агентовъ. Во второмъ томѣ „Памятниковъ дипломатическихъ отношеній древней Россіи съ державами иностранными“ *) напечатаны документы трехъ Русскихъ посольствъ къ императору Матвѣю. Они обнимаютъ промежутокъ времени съ 1612 по 1617 годъ. Еще Гильфердингъ въ своей исторіи Чехіи настойчиво рекомендовалъ чешскимъ ученымъ ознакомиться съ этими матерьялами, какъ съ весьма важнымъ источникомъ для чешской исторіи начала XVII вѣка. И, дѣйствительно, мы въ нихъ, особенно въ донесеніяхъ Ивана Ѳомина, пробывшаго при цесарскомъ дворѣ съ 1614 по 1617 годъ, находимъ яркую картину внутренняго состоянія Чешскаго королевства въ эпоху Матвѣя. Послѣдній предпочтительно жилъ въ Прагѣ, поэтому здѣсь же имѣлъ свое мѣстопробываніе и русскій посланникъ „переводчикъ“ Иванъ Ѳоминъ. Хотя въ докладѣ о своемъ посольствѣ онъ не упоминаетъ по фамиліямъ вождей подобоевъ, но несомнѣнно, онъ всѣхъ ихъ хорошо зналъ, а въ томъ числѣ и нѣкоторыхъ представителей фамиліи Шликъ. Этотъ Иванъ Ѳоминъ посланникъ къ императору Матвѣю въ 1614—1617 годахъ и Иванъ Ѳоминъ царскій гонецъ въ Данію въ 1641 году,—въ годъ пребыванія графа Матіаса Шлика при датскомъ дворѣ, надо полагать, одно лицо. Тогда нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что именно встрѣча и бесѣда Шлика съ Иваномъ Ѳоминымъ и натолкнули перваго на мысль отпра- виться въ далекую Московію.

В. Кашкаровъ.

*) „Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными“, томъ II-й. Въ 1613 голу, отправлены были къ императору Матвѣю посолъ Ушаковъ и дьякъ Заборовскій, съ 1614—1617 годъ были русскими послами при императорѣ: переводчикъ Иванъ Ѳоминъ и подъячій Первой Михайловъ, въ 1616 году посланы къ цесарскому двору: посланникъ Лукьянъ Мясной и подъячій Ѳедоръ Постниковъ.